

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН**

**«ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ 2019.
ЯЗЫКИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ»**

**Тезисы докладов межинститутской
научной конференции**

Москва, 24-25 апреля 2019

Структура вопросительной клаузы в старовавилонском диалекте аккадского языка

Синтаксис относится к числу тех разделов аккадской грамматики, которые привлекают повышенное внимание специалистов в последние годы (Deutscher 2007; Cohen 2012). Вместе с тем многие вопросы аккадского синтаксиса, в том числе вопрос о структуре вопросительного предложения, еще далеки от своего разрешения. Дескриптивные грамматики по-разному описывают порядок слов в аккадских вопросительных клаузах. Так, можно встретить утверждения, что этот порядок не меняется по сравнению с порядком в нейтральном утвердительном предложении (S>O(>IO)>V). Вместе с тем в других работах говорится, что аккадские вопросительные слова стремятся занять позицию в начале клаузы.

Исследование частных вопросительных предложений, проведенное на основе корпуса старовавилонских писем, свидетельствует о разных линейных позициях вопросительных слов. С одной стороны, *ammīnim* 'почему' засвидетельствовано преимущественно в начальной позиции (60% всех аттестаций). С другой стороны, вопросительные местоимения *tīnim* 'что' и *tanīnim* 'кто' демонстрируют тенденцию располагаться непосредственно перед глаголом (80% и 62%). Наречия *kī* 'как' и *kī maṣi* 'сколько' встречаются исключительно в предглагольной позиции. *tīnim* 'что' может быть вынесено в начало клаузы только в составе адъюнктов.

Для отождествления структурной позиции или позиций аккадских вопросительных слов важную роль играет ряд дополнительных фактов. Так, *ammīnim* 'почему' засвидетельствовано слева от составляющих, выделенных фокусной частицей *-ma*. Наиболее частым контекстом неначальной позиции *ammīnim* 'почему' являются конструкции с топикализацией. Топикальный материал, вводимый предложным выражением *aššum* «что касается, относительно», располагается слева от *ammīnim* 'почему'. Аналогичные конструкции не встречаются, когда *ammīnim* 'почему' стоит в начале клаузы. Также примечательно, что вопросительные слова могут быть сами маркированы фокусной частицей *-ma*.

На основе приведенных наблюдений можно предположить, что аккадские *wh*-слова не остаются *in situ*, а совершают передвижение в левую периферию клаузы. Это передвижение может быть связано с двумя позициями в синтаксическом дереве: нижней, в проекции Foc(us)P (совпадающей с предглагольной позицией в линейном выражении), и верхней, в проекции ForceP.

Литература

1. Cohen E. *Conditional Structures in Mesopotamian Old Babylonian*. Winona Lake, 2012.
2. Deutscher G. *Syntactic Change in Akkadian. The Evolution of Sentential Complementation*. Oxford, 2007.

Местоименные энклитики в современном персидском языке в исторической перспективе

На протяжении всей письменно зафиксированной истории персидского языка в нем существуют две параллельные системы личных местоимений – самостоятельных (или ударных) и энклитических (или безударных). В докладе будет показано, как на протяжении всей истории языка изменялось функционирование местоименных энклитик.

В современном персидском языке местоименные энклитики в литературном и разговорном языке функционируют по-разному. В литературном языке местоименные энклитики чаще всего выполняют функцию определения, передавая значение принадлежности. Такое употребление местоименных энклитик является исторически обусловленным, поскольку современные энклитики этимологически восходят к форме родительно-дательного падежа древнеперсидских энклитик. В большинстве случаев возможна синонимическая замена местоименной энклитики на ударное местоимение.

Употребление местоименных энклитик в разговорном языке гораздо шире, здесь энклитики, кроме выражения принадлежности, употребляются в функции прямого и косвенного дополнения, адресата при глаголах говорения, при этом они могут присоединяться к существительным, глаголам, предлогам. Также внутри некоторых фразеологизмов энклитики выражают логический субъект действия (как это было свойственно среднеперсидскому языку). Присоединяясь к глагольной форме, они выполняют роль личного окончания.

Хорошо известен тот факт, что разница между современным литературным и разговорным персидским языком довольно велика, различия касаются абсолютно всех уровней языка, затронута фонетика, морфология, синтаксис и лексика. Одним из существенных различий, которое указывается в современных грамматиках и учебниках, является употребление местоименных энклитик. На примерах из среднеперсидского и классического персидского будет показано, что современный разговорный язык в сфере употребления местоименных энклитик сохраняет более архаичное состояние по сравнению с литературным языком.

Культурные растения в Иране

Тема настоящего доклада – названия культурных растений, используемые в разных иранских языках и диалектах. До сих пор не было проведено удовлетворительного исследования иранских ботанических слов и терминов. Этот доклад является частью большой работы на эту тему. Мы остановимся здесь на одном растении.

Олива – это медленно растущее, долгоживущее, вечнозеленое дерево, уникально адаптированное к климату Средиземноморского бассейна и считающееся определяющим признаком этого климата.

Оливковые деревья живут целых 700 лет, и в течение первых 200 лет нет признаков их гниения. Коренные типы до сих пор широко встречаются в археологических данных еще 12000 лет назад. Культивируемая маслина появилась около 6000 лет тому назад в Малой Азии, но, как правило, была неизвестна вавилонянам и ассирийцам. Олива издавна была известна в Сирии и на Святой Земле и была завезена в Египет из Сирии между 3000 и 1800 гг. до н.э. Согласно хеттским текстам, оливки выращивались в Анатолии и импортировались в Египет со времен Рамзеса II (1197–1165 гг. до н.э.). Оливковое дерево также выращивалось в Иране примерно с 3000 г. до н.э., и, как указывает заимствованное персидское название как оливкового дерева, так и его плодов (*zaytun*), оно, возможно, было импортировано из Леванта.

Во многих легендах у разных народов напиток жизни связан с мифическим деревом. Среди прочих таковым является и оливковое дерево, из плодов которого производится оливковое масло. Широко распространено мнение, что оливковое дерево никогда не умирает. Для древних оливковое дерево было символом вечной жизни, и поэтому можно сопоставить его с менорой как еврейским символом вечной жизни после смерти.

Плиний пишет, что дуб был священным деревом Юпитера, лавр – Аполлона, олива – Минервы. Миф об Афине включал оливковое дерево, которое она посадила в Акрополе.

Первое упоминание об оливе в Священном Писании находится в книге Бытия, когда голубь вернулся к Ною с оливковым листом в клюве. Это единственное упоминание об оливковом дереве в книге Бытия, хотя масло упоминается дважды без уточнения. Оливковое масло является одним из четырех самых важных символов в христианстве наряду с хлебом, вином и водой.

Олива (*Zaytun*) – это растение, которое часто упоминается в Коране и в хадисах (преданиях о словах и действиях пророка Мухаммада). Всемогущий Аллах сказал: «Инжир и Олива у горы Синай и на этой земле, которая сотворена богоспасаемой». В хадисах говорится: «Ешьте оливковое масло и наносите его на тело, это лекарство от семидесяти болезней». Согласно Корану, такие фрукты как виноград, финики, инжир, оливки и гранат являются дарами и райскими плодами от Бога.

Символическое значение оливы сохранилось в фольклоре, например, в иранской провинции Горган оливковое дерево – святое.

В докладе приводятся названия оливкового дерева и оливок в разных иранских языках и диалектах. Поскольку это название является заимствованием из арабского, оно не сильно различается по диалектам.

Принимая во внимание древность оливы и ее место в исламских источниках, мы хотим также проследить лексическое и переносное значения понятий *deraxte zeytun* («оливковое дерево») и *zeytun* («оливки» – плоды) в этих источниках.

Арабы и Аравия: проблемы этимологии

В ходе разработки исторической грамматики арабского языка нельзя оставлять в стороне и экстралингвистические факторы функционирования языка в различные эпохи и в различных культурно-исторических условиях.

Таким образом, в сфере «внешней» истории арабского языка включается и вопрос об исторической связи названия языка с названием народа, говорящего на этом языке. Для самих носителей этот вопрос издревле решался естественным образом: «арабский язык – это язык, на котором говорят арабы». Оставалось определить, кто такие арабы. Ответ можно найти в одном из древних высказываний «кто говорит по-арабски – тот араб». Неразрывная связь между народом и его языком была осознана в далёкие времена. О происхождении же самого названия народа стали задумываться значительно позже.

Вопрос об этимологии названия «араб/арабы» неоднократно поднимался в арабистике и в семитологии, но решения его остаются на уровне гипотез.

К этим гипотезам мы добавим ещё одно предположение.

Современная языковая ситуация в Южном Судане

В докладе рассматривается современная языковая ситуация в Республике Южный Судан, которая характеризуется сосуществованием более 60 языков на обширной территории. В нем описывается процесс развития и принятия английского языка в качестве государственного в стране, выделяются автохтонные языки местного населения и оценивается образовательная программа государства для их поддержания, определяется роль джубайского пиджин-арабика в качестве языка межнационального общения и прослеживается история его становления.

Вслед за провозглашением независимости в Южном Судане в 2011 г. его руководство отказалось от арабского языка, который имел определяющее значение в недавнем прошлом, выбрало английский язык в качестве нового государственного языка и официально узаконило это решение в конституции. После закрепления за английским языком статуса государственного он быстро завоевал авторитет и престиж среди местной элиты и занял место арабского на страницах газет и в радиопередачах Южного Судана, одновременно с этим владение литературным арабским приобрело негативный оттенок, и печатные издания, выпущенные в Хартуме, начали постепенно исчезать с рынка. Тем не менее система образования остается сравнительно малоразвитой (особенно в том, что касается преподавания английского языка) из-за острой нехватки квалифицированных учителей, учебников и помещений для обучения, поэтому только интеллигенция имеет достаточный уровень языковой подготовки и может свободно разговаривать на английском языке.

Помимо английского языка, в конституции 2011 г., принятой Южным Суданом, также уделяется особое внимание местным автохтонным языкам, большинство из которых принадлежит к нило-сахарской макросемье, – например, языкам динка (2-3 млн носителей), нуэр (около 900 000 говорящих), ачولي (примерно 800 000 говорящих) и т.д. Согласно Части 1, Разделу 1, №6 (1) конституции 2011 гг., «все автохтонные языки Южного Судана являются национальными языками и подлежат сохранению, развитию и продвижению». Местное правительство всячески поощряет использование языков коренных народов Южного Судана, особенно на радио, расценивая его как единственное средство коммуникации с сельским населением в стране, где только каждый четвертый умеет писать и читать. Это объясняется тем, что в силу рекордного уровня неграмотности, являющегося одним из самых высоких в мире, газетные материалы сложны для понимания местных жителей, а телевидение недоступно из-за отсутствия электричества в отдаленных районах.

Южносуданский пиджин-арабик (джубайский арабский) выполняет функцию языка межнационального общения в стране. Он является редуцированной разновидностью суданского диалекта арабского языка (языка-лексификатора), отличающейся значительной региональной вариативностью, но не обладающей закрепленной письменной нормой. В качестве контактного языка на арабской основе джубайский пиджин сформировался в 19 в., когда в 1819-1822 гг. Египет захватил большую часть территории Судана.

К вопросу о типологии стативности

В (Булыгина 1982) декларируется следующее свойство именных предикатов: «Существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов ... является относительная независимость от времени, отсутствие четких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком» (Булыгина 1982: 14). Признаки, задаваемые прилагательными, тем менее: i) могут обладать отношенностью к определенному моменту времени; ii) обладают ей в разной степени, ср. *веселый, пьяный, сердитый, холодный* с одной стороны и *интересный, умный, любознательный, круглый* – с другой. Прилагательные первого типа примерно соответствуют состояниям по (Булыгина 1982) или «предикатам стадияльного уровня» по (Carlson 1980). Прилагательные второго типа соответствуют качествам по (Булыгина 1982) или «предикатам индивидуального уровня» по (Carlson 1980). Прилагательные, задающие состояния (*веселый, пьяный, сердитый, холодный* и т.д.), в русском языке часто имеют однокоренной предельный глагол, описывающий переход в данное состояние: *повеселеть, опьянеть, рассердиться, охладиться* и т. д.

Типологически и состояния и качества выбирают различные стратегии кодирования. С одной стороны, язык может выделять их в отдельную категорию – собственно категорию прилагательных. Такой стратегии придерживаются все европейские языки, а в выборке (Stassen 2013) из 386 языков таких языков 132 (34%). С другой стороны, язык может кодировать значения состояния и качества как стативную (под)катеорию глагольного класса. Подобных языков в выборке (Stassen 2013) оказывается 151 (39%). Третий выделенный Л. Стассеном тип – смешанные языки, кодирующие данные значения и при помощи глаголов, и при помощи прилагательных; таких языков 103 (27%). Ко второму (преимущественно) и третьему типу относится известная часть языков Юго-Восточной Азии.

Лексемы, составляющие стативную глагольную (под)катеорию, обычно обладают способностью выражать доступные им грамматические категории глагола, ср. пример из нивхского языка, где качественные стативы могут без участия связки выступать в функции предиката финитной клаузы и должны в таком случае (как и глаголы) маркироваться показателями наклонения и согласовываться в числе:

- (1) нивхский (Груздева 2012: 467)
а. *ʃ'əŋq q'av-ɕ.*
печка быть.горячим-IND
'Печка горячая'.
б. *Tamk-xun tak-nt-γun.*
рука-PL быть.теплым-IND-PL
'Руки теплые'.

В то же время, стативы могут демонстрировать грамматическую сочетаемость, несвойственную глаголам. Тайский пример ниже показывает, что некоторые средства образования сравнения доступны для стативов, но невозможны для остальной части глагольной лексики:

(2) тайский (Post 2008: 345)

a. *khon ní sǔuŋ kwàa khon nân*
человек этот высокий более человек тот
'Этот человек выше, чем тот'.

b. **khon ní khít/dǎn kwàa khon nân*
человек этот думать/гулять более человек тот
Ожид.: 'Этот человек думает/гуляет больше, чем тот'.

В докладе будут освещены вопросы ареальной, семантической и грамматической типологии стативности.

Литература

1. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Под ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С.7-85.
2. Carlson G.N. 1980. Reference to kinds in English // *Language Arts & Disciplines* – Garland Pub. P.311.
3. Груздева Е.Ю. 2012. Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке // Плунгян В.А. (отв.ред.) Типология аспектуальных систем и категорий / *Труды института лингвистических исследований (Acta linguistica petropolitana)* т. VIII, ч. 2. Исследование по теории грамматики. Вып. 6. РАН. Ин-т лингв. исслед. ; СПб. : Наука. С.458-533.
4. Post, M. 2008. Adjectives in Thai // *Linguistic Typology* 12 (2008), Walter de Gruyter. P. 339–381.
5. Stassen, L. Predicative Adjectives // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL <http://wals.info/chapter/118>

**Персоязычные интернет-ресурсы как источник для анализа
социолингвистической ситуации в провинциях
Гераш и Ламерд (остан Фарс, Иран)**

В условиях постоянной диглоссии и все большем доминировании персидского языка в Иране стремительно сокращается сфера использования местных идиомов, в том числе родственных между собой диалектов провинций Гераш и Ламерд (население – 41 359 и 91 782 (1)), генетически связанных с языковыми разновидностями исторической области Ларестан (в современных иранских исследованиях (Dabir-Moqaddam 2013; Diyānat 2016) при описании этого ареала часто встречается определение язык *лари/ларестани*).

Новости о Гераше и Ламерде, собранные в ходе анализа локальных печатных изданий и новостных сайтов (официально их 271 (2)), сайта Национального информ-агентства <http://www.irna.ir> и передач центральных и региональных телеканалов (<http://www.telewebion.com>), служат ценным источником данных для описания факторов, ускоряющих нивелирование языкового многообразия, и ряда местных инициатив по ревитализации и поднятию престижа местных диалектов, а также для анализа следующих аспектов лингвистической ситуации в этих провинциях: демографические параметры социальной базы идиомов, степень вовлеченности в языковые контакты, сфера использования идиома и его функциональная дистрибуция в отношении к персидскому языку, общественный статус изучаемой языковой разновидности.

Можно выделить основные социально-культурные факторы, влияющие на развитие и перспективы сохранения идиомов Гераша и Ламерда: 1) хозяйственный уклад жизни местной общины является определяющим для сферы функционирования диалекта: самодостаточность комплексного хозяйства способствует замкнутому образу жизни, и сохранение традиционных методов ведения хозяйства обеспечивает устойчивость лексики и терминологии определенной предметной области. Развитие полукочевого отгонного скотоводства ведет к контактам с другими общинами, а проблемы с водными ресурсами и в сфере занятости служат предпосылкой роста миграции в город; 2) наличие школы в населенном пункте служит фундаментом для изучения персидского языка, отсутствие старшей школы, например, становится причиной развития контактов молодежи с представителями других общностей; 3) развитие средств связи и коммуникаций усиливает вовлеченность идиомов в языковые контакты и во взаимодействие с персидским языком; 4) частичной ревитализации идиомов служат программы, направленные на поднятие престижа местной культуры: фольклорные фестивали, развитие экотуризма, продвижение этнолингвистической специфики в системе школьного образования, популяризация научных проектов по изучению лингвистического многообразия Ирана.

Литература

1. Население остана Фарс по данным государственной переписи 2016 г. (Национальный центр статистики Ирана) – https://www.amar.org.ir/Portals/0/census/1395/results/abadi/CN95_HouseholdPopulationVillage_07_r.xlsx
2. Государственный реестр СМИ, имеющих лицензию Министерства культуры (по состоянию на 01.12.2018) – https://press.farhang.gov.ir/ershad_content/media/image/2018/12/691149_orig.xlsx
3. Dabir-Moqaddam M. Radešenāsi-ye zabānhā-ye irāni. Tehrān, 2013 (1392).
4. Diyānat L. Farāyand-e hameguni dar zabān-e lāri // Faslnāme-ye zabānšenāsi-ye gūyeshā-ye irāni 2016 (1395). No. 1. P. 53-72.

Трансформация концепта пери в ираноязычном мире

Доклад посвящен лингвокультурологическому исследованию особенностей концепта пери в иранском мире. Мы рассматриваем данный термин на основе религиозных и сказочно-фольклорных текстов, а также данных словарей. В докладе дается обзор ассоциативно-смыслового поля образа пери, а также выявляются наиболее значимые концептуальные составляющие. Лексема *пери* имеет богатый для иранского мира культурный фон и закрепленную языковую реализацию в мертвых и живых иранских языках и относится к ключевым концептам иранской национальной культуры. Описываемый концепт занимает центральное место в иранской языковой картине мира.

Мы рассматриваем обыденный и религиозный смыслы термина. Мы анализируем особенности появления данного термина в священных текстах религиозного языка Авесты лишь на позднем этапе в текстах поздней Авесты, а также особенности его значения и употребления в этих текстах (отсутствие в Гатах; отсутствие / наличие в негативном / позитивном значении в небесном и/или земном измерениях в текстах поздней Авесты).

На следующем хронологическом срезе мы подвергаем рассмотрению процесс десакрализации термина в доисламских текстах и появление в них сверхъестественных существ-антагонистов. С этими целями мы предпринимаем попытку выявить наличие данного термина, а также объем его значений в сакральных текстах доисламского периода в различных религиозных традициях (христианских, буддийских, языческих на материале иранских языков (среднеперсидского (пехлеви), согдийского, бактрийского и хотаносакского).

В дальнейшем с переходом к исламу происходит десакрализация термина в исламских текстах: при этом остается не вполне ясным объем его значения и функции (положительные или отрицательные). Мы выявляем соотношение термина пери и объема его значения с сакральными терминами, передающими близкое значение в исламских арабоязычных текстах исламской традиции (*гурия, джинн*).

В ходе истории проходил процесс передачи культурных слов-концептов и их освоение, переосмысление и культурное взаимопроникновение в разных ираноязычных сообществах. В результате в современных иранских традициях и языках образ пери сохранен как образ сверхъестественного существа, обладающего амбивалентными функциями и пленительным (в отдельных случаях внушающим ужас) видом. При этом в некоторых фольклорных произведениях образ пери имеет гендерные вариации, отклоняющиеся от гендерных стереотипов в образных репрезентациях (явление в женском или мужском образе).

Формулы как прием при создании морфологического описания арабского языка

В данном докладе будут представлены предварительные результаты исследования, выполненного в рамках работ по созданию морфологического описания арабского языка для проектов ABBYY FineReader и ABBYY Compeno.

В морфологии арабского языка есть ряд сложных для компьютерного описания моментов: формальный супплетивизм форм при частичном сохранении корня, всевозможные морфологически обусловленные удлинения гласных, представленные в виде вставок специальных символов, таких как (¹ , ى , و), удвоения согласных, представленных в двух графических вариантах (с шаддой и просто повтором этих согласных) и ряд других.

Начнем с удлинения гласных. Если представить себе арабский текст без полной диакритики (без фатхи, сукуна etc), то некоторые морфологические преобразования фактически происходят в голове читающего, если не возникает необходимости удлинить ту или иную гласную. В таком случае происходит вставка соответствующего знака (¹ , ى , و). Однако для компьютера такие вставки неочевидны и при классическом подходе, как к неразрывной основе, требуют сложных правил или сокращений основ и внесения подобных изменений как части окончания, каковыми они не являются. Другое дело, если в морфологической базе в соответствующей ячейке основа будет представлена в виде буквенно-диакритической формулы, где согласные буквы арабского языка будут зашифрованы латиницей, а диакритические значки будут приведены в необходимых местах. Так в ситуации удлинения гласного становятся наглядными все переходы диакритического характера, при этом при распределении и анализе слов те самые диакритические знаки, которые традиционно в современных текстах отсутствуют, отсекаются при порождении форм и сравниваются с предложенными по корпусам формами слова. При этом возникает возможность предположить варианты диакритики к выбранным из корпуса формам, которые часто оказываются из-за отсутствия диакритики формами разных однокоренных лексем, и распределить их более верифицированно по парадигмам.

Другой момент, который необходимо учитывать, это ограничение возможных лексических вводов в конкретную парадигму путем создания максимально формализованных шаблонов. Такие позволяют не только автоматически распределять лексический материал при опоре на корпус для извлечения из него всех возможных словоизменений, анализируемых при определении парадигмы, но и задавать определенные морфологические изменения, которые будут проходить по формульным правилам. В соответствующих формульных правилах при таком подходе становится возможным учет разных форм графического представления удвоения согласных и перехода в процессе словоизменения одной формы в другую. Так при спряжении двойных глаголов вся парадигма задается в базе в виде перечня формул, где написание с шаддой сменяется повтором этих согласных, а сами формы задаются окончаниями, а не сменами основ.

Вторая важная и частотная проблема – это обилие супплетивных форм множественного числа. Если представить начальную форму в виде буквенно-диакритического шаблона, это позволяет нам внести при словоизменении в самой парадигме

любые корректировки в этот шаблон, вплоть до замены одного согласного другим, если такие замены встречаются хоть в каком-то ряде случаев или в случае заведения парадигмы под конкретную лексему. Например, для изменения ـ , стоящего в основе, на хамзованный его вариант достаточно просто изменить его в соответствующих квадратных скобках, а не вносить всю основу в окончание, что позволяет в одной парадигме описать схожие по такого рода процессам случаи, несмотря на разницу согласных в их корнях.

При описании глагольного спряжения введение формул позволяет, например, рассматривать приставки в причастии как элемент формулы, а не как отдельную единицу базы, которая требует соответствующей склейки и своих правил, что, безусловно, упрощает саму структуру не в ущерб наглядности.

Таким образом, использование буквенно-диакритических формул при создании морфологического описания арабского языка позволяет сократить количество парадигм, объединить и выявить близкие случаи словоизменения, более эффективно распределить лексический материал, полученный при автоматическом анализе корпуса, и ряд других моментов, которые более подробно будут описаны в докладе с соответствующими примерами из арабского корпуса текстов.

Переключение языкового кода в Египте: причины и механизмы

Для языковой ситуации в Египте, как и во всем арабском мире, характерно явление диглоссии – двуязычия, при котором имеет место употребление двух языковых образований в рамках одного национального языка – литературного арабского языка и разговорного диалекта.

До 1970-х применительно к языковой ситуации в арабских странах изучалась дихотомия «литературный язык – диалект», но в 1973 году египетский лингвист Мухаммад Бадави, рассматривая взаимодействие двух языковых образований в Египте, расширил эту схему, включив в нее ряд промежуточных уровней. Каждый из них характеризуется разной степенью влияния литературного языка:

1) Классический арабский («fusha at-turath»). Язык арабской литературной традиции и Корана.

2) Современный литературный арабский («fusha al-‘asr»). Литературная форма арабского языка (ЛАЯ), используемая при письме и иногда в формальной речи.

3) Язык интеллигенции («‘ammiyat al-muthaqqafiin»). Формальный разговорный язык образованного населения. На него серьезное влияние оказывает ЛАЯ.

4) «‘ammiyat al-mutanawwiriin». Неформальный разговорный язык образованного населения (среднее образование).

5) «‘ammiyat al-‘ummiyuin». Разговорный язык неграмотного населения.

Вообще не подвержен влиянию ЛАЯ.

В ситуации, когда носитель языка владеет одновременно несколькими его разновидностями, возникает явление переключения языкового кода, т.е. внезапный мгновенный переход из одного языкового кода в другой в рамках одного речевого контекста. Это предполагает переплетение различных фрагментов речи, принадлежащих разным грамматическим системам и подсистемам.

Другие факторы, определяющие выбор языкового кода

В результате анализа актуального языкового материала удалось установить, что в каждой конкретной ситуации говорящий строит речь, исходя из обстоятельств. **Тематика разговора** имеет большое значение, т.к. определенные темы предполагают превалирующее употребление одного языкового кода (например, религиозная тематика). Иногда смена темы может стать причиной смены кода, но подчас границы тем и кодов могут не совпадать. В случае, если **речь заготовлена заранее**, превалирующим будет тот языковой код, в котором она была составлена, но это не значит, что переключение невозможно. Если происходит отклонение от заготовленного плана речи (таким отклонением могут быть комментарии, пояснения, ремарки, отсылки к личному опыту и т.д.), то, как правило, включится другой языковой код.

Следующий немаловажный фактор – **позиция говорящего относительно аудитории**. В ходе беседы говорящий может выбирать для себя разные роли относительно собеседника. Чтобы обеспечить наибольший уровень комфорта и взаимопонимания, могут употребляться разные языковые коды.

При этом переключение языкового кода происходит на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях языка. Что же касается синтаксиса, то на этом уровне идентифицировать переключение кода с литературного на разговорный или в обратном направлении весьма затруднительно, поскольку речь идет о двух вариациях одного национального языка, и если фонетические и лексические расхождения между ними имеют место, то синтаксическая база у них обоих общая.

В.Б. Иванов
(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)
Л.Р. Додыхудоева
(Институт языкознания РАН, Москва)

Этнолингвистические особенности гилянского и мазандеранского языков

Этнолингвистическая ситуация в ареале прикаспийских языков отличается:

1. Сильным влиянием государственного персидского языка на всех уровнях (фонетика, морфология, синтаксис, лексика).

2. Значительным количеством русских заимствований, их большим процентом в словаре и более частым использованием, чем в государственном современном персидском языке. Лексика такого рода имеет свои ареальные особенности: её семантика эволюционирует; происходит её оттеснение на периферию, архаизация, а в ряде случаев модернизация.

3. По сравнению с реализацией и распространением изафетной конструкции в персидском языке наблюдаются свои особенности в гилякском и мазандеранском, а также в талышском и других языках.

С одной стороны, в названных языках выявляется изафетная конструкция более общей модели типа изафетной конструкции юго-западных иранских языков (Иванов 2014). С другой стороны, раскрываются характеристики обратной изафетной конструкции, присущие ряду северо-западных языков (например, гилякскому и мазандеранскому (Иванов, Додыхудоева 2017).

Это так называемая обратная изафетная конструкция (*reverse status construction*). Она имеет обратную последовательность элементов, начинается с зависимого слова (прилагательного, существительного), к которому постпозиционно присоединяется изафетный показатель и за которым следует распространяемое существительное. В отличие от прежних описаний утверждается, что его нельзя считать флексией, так как он может оформлять группу из нескольких слов, что делает его такой же синтаксической частицей, как и персидский изафет.

В перспективе более глубокое изучение изафетной конструкции будет способствовать изучению феномена такой конструкции, её связочного элемента, «линкера» (*linker*), в других языках и даст возможность сделать шаг вперед в решении вопроса о том, следует ли рассматривать все случаи, обозначенные как *ezāfe* (внутри и за пределами иранских языков), как одно и то же явление.

4. Наряду с этим в ходе полевых исследований была записана речь четырёх носителей гилянского и троих мазандеранского языка с целью анализа её просодических особенностей. Основным коррелятом ударения в обоих языках является частота основного тона (F0), как и в персидском языке. Сегментация и анализ проводились с использованием программы Praat. В результате было выявлено, что в гилякском и мазандеранском языках ударение тоническое (*pitch accent*).

5. Фонетическое исследование гилянского и мазандеранского языков показало, что в отличие от предыдущих работ В.И. Завьяловой (1956), В.С. Расторгуевой, Д.И. Эдельман (1982), В.С. Расторгуевой (1999), были обнаружены слегка лабиализованные гласные [ə] и [ā]. В наших записях мы столкнулись с церебральным (ретро-

флексным) произношением сонорных (ɾ, ɳ), а также реликтовыми долгими гласными [ī] и [ū], которые не упоминались в предыдущих описаниях.

Литература

1. Завьялова О. И. Новые сведения по фонетике иранских языков. Гилянский и мазандеранский языки // *Труды Института языкознания*. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 92–112.
2. Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // *Вопросы языкознания*, №2, 2014.
3. Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. Синтаксические отношения имён в северо-западных иранских языках // *Вопросы языкознания*, №2, 2017
4. Расторгуева В.С. Велатру язык / диалект // Ярцева В.Н. (гл. ред.). *Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки*. М: Индрик, 1999. С. 141-144.
5. Расторгуева В.С. Гилянский язык // Ярцева В.Н. (гл. ред.). *Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки*. М: Индрик, 1999. С. 112-125.
6. Расторгуева В.С. Мазандеранский язык // Ярцева В.Н. (гл. ред.). *Языки мира. Иранские языки. Т. II. Северо-западные иранские языки*. М: Индрик, 1999. С. 125-135.
7. Расторгуева В.С., Эдельман Д. И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки* / под ред. В.И. Абаева, М.Н. Боголюбова, В.С. Расторгуевой. Т. 3. М: Наука, 1982. С. 447-554.

Лексические особенности современного арабского политико-экономического дискурса

Появление в современном научном обиходе термина «дискурс» связано с нарастающим обособлением в языковом плане текстового материала, относящегося к разным сферам человеческой активности: политика, экономика, культура, научно-техническая сфера и т.д. Мы будем использовать термин «дискурс» в его узком смысле – как устный или письменный текст.

Процессы специфического словоупотребления на территории обширного ареала распространения арабского языка носят наиболее очевидный характер в современных СМИ и в медийном пространстве в целом, поскольку это та сфера человеческой деятельности, где происходят сегодня наиболее стремительные изменения, возникают новые понятия. Причем стремительные темпы роста, характерные для многих стран региона Ближнего Востока и Северной Африки, влекут за собой быструю реакцию в понятийном и терминологическом плане.

Процесс освоения новых терминов и понятий на этом пространстве связан с достижением смысловой однородности и зачастую занимает достаточно продолжительное время из-за того, что они связаны с преобразованиями, происходящими в сознании более чем одного социума более чем в одной стране.

Как и в любом другом языке, процессы освоения новой лексики в арабском языке связаны с особенностями речевого поведения. Они возникают под воздействием разнообразных факторов – прагматики, экстралингвистических императивов, наконец, своеобразной ментальности носителей арабского языка как одного из древнейших языков мира, в котором семантика слова, морфологические модели и существующие способы словообразования позволяют либо найти готовый эквивалент, либо подобрать соответствующую словообразовательную модель для того или иного термина или нового понятия.

Рассмотрим некоторые когнитивные аспекты терминологического своеобразия и общеупотребительной лексики в современном арабском политико-экономическом дискурсе. Наиболее обширную группу лексем, функционирующих в нем, составляют семантические заимствования. В состав этого значительного лексического пласта входят как прочно освоенные термины, так и языковые соответствия, возникшие относительно недавно. Среди них встречаются единицы различного происхождения, в том числе и композиты. В процессе функционирования подобные семантические заимствования становятся самостоятельными основами и образуют дериваты.

Изучение процессов, связанных с образованием таких соответствий и превращением их в прочно освоенные термины, является важным элементом переводческой и преподавательской деятельности.

Перспективы изучения дардов и нуристанцев в России

Представляется важным сделать обзор доступных в России источников по изучению дардских и нуристанских языков, а также быта и фольклора народов Восточного Пригиндукушья, говорящих на этих языках.

Первый зафиксированный контакт русских и горцев Гиндукуша относится к 1820 г., когда натуралист и топограф Е.К. Мейендорф возглавил дипломатическую миссию, совершившую путешествие из Оренбурга в Бухару. Он отметил присутствие кафиров-сияпушей и полуверцев-нимча среди рабов у бухарцев. Продвижение Российской империи в Туркестан обусловило проведение разведки областей и за Амударьей. В докладе 1883 г. полковник П.П. Матвеев сообщает расспросные сведения, полученные в 1877 г. от вольных сияпушей в Файзабаде – столице Бадахшана.

Действительно полезным для лингвистов и малоизученным источником являются материалы М.С. Андреева, записанные от сияпуша в 1902 г. в Ташкенте. Оригиналы хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН, однако ещё в 1980-е гг. А.Л. Грюнберг полностью перепечатал эти материалы на машинке. Совместно с Т.Г. Абаевой и Н.Л. Лужецкой он готовил к печати «Ташкентский сборник», посвящённый исследованиям и событиям рубежа XIX-XX вв., но только в 1994-1995 гг. удалось опубликовать три статьи с материалами М.С. Андреева.

В октябре 1924 г. Кафиристан пересекли ботаник Н.И. Вавилов и этнограф Д.Д. Букинич, первыми посетившие прежде языческую область. Издание «Земледельческий Афганистан» (1929) включает список лексики языка прасун с возможной примесью кати.

В 1963-1995 гг. работу по нуристанским и дардским языкам вёл А.Л. Грюнберг, собравший полевые материалы по кати, камвири, вамаи, вайгали, земиаки, прасун, а также глангали, пашаи, нингалами. Издание «Язык кати» (1980) лишено словаря. Справочные труды Д.И. Эдельман выходили в печать в 1965, 1978, 1983, 1999 гг. В работах современных российских исследователей нуристанский и дардский материал обычно используется как вспомогательный. Исключение составляют многочисленные труды А.И. Когана и статья «Курут (об одной алтайско-арийской изоглоссе)» (2004), автор М.Т. Дьячок.

Сегодня на востоке Афганистана можно посетить Кабул, Панджшер, Парун. Для российских исследователей неисчерпанным ресурсом остаётся возможность работы с диаспорой и студентами, уроженцами Гиндукуша.

Представляется целесообразным ввести в научный оборот «Сведения по грамматике сияпушского языка», словарь и другие неизданные материалы М.С. Андреева, которые доступны в архиве А.Л. Грюнберга. Там же хранятся его собственные полевые материалы: тетради, машинописные листы, аудиозаписи, обширный фотоархив.

Книга «Afsanaha-ye Nuristani» (1991), которую составила Я.А. Джанна совместно с А.Л. Грюнбергом, включает нуристанские сказки на языке кати с переводом на дари. Существуют словари кати и вайгали и сборники текстов пашаи, набранные арабской графикой. Недавно изданный двухтомный труд Г. Буддрусса и А. Дегенер посвящён языку прасун. Эти и другие материалы может предоставить автор доклада.

Литература

1. Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. *Земледельческий Афганистан*. Л., 1929.
2. Грюнберг А.Л. Кафирский гимн богу Мону (Из архива М. С. Андреева) // *Петербургское востоковедение*. Вып. 7. СПб., 1995. С. 605–620.
3. Грюнберг А.Л. Материалы по этнографии и мифологии Нуристана из архива М. С. Андреева // *Studien zur Indologie und Iranistik*. 1994. Bd 19: Festschrift Georg Buddruss. Reinbek, [1995]. S. 83–107.
4. Грюнберг А.Л. Нуристанские тексты из архива М. С. Андреева // *Стхапакаираддха: Сб. ст. памяти Г. А. Зографа* / Под ред. Я. В. Василькова и Н. В. Гурова. СПб., 1995. С. 144–161.
5. Грюнберг А.Л. *Язык кати*. М.: Наука, 1980.
6. Дьячок М.Т. Курут (об одной алтайско-арийской изоглоссе) // *Techne grammatike (Искусство грамматики)*. Новосибирск, 2004, № 1. С. 132–138
7. Коган А.И. Дардские и нуристанские элементы в языке дамели // *Orientalia et classica: труды Института восточных культур и античности*. Вып. XI. Аспекты компаративистики 2. М.: РГГУ, 2007. С. 310-327.
8. Коган А.И. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.: Восточная литература, 2005.
9. Коган А.И. Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики (2015) // *Вопросы языкового родства*. М.: 2015, № 13. С. 1-21
10. Эдельман Д.И. *Дардские языки*. М.: Наука, 1965.
11. Эдельман Д.И. *Дардские языки* // *Языки Азии и Африки*. Т. 2. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1978.
12. Эдельман Д.И. *Дардские и нуристанские языки*. - М. : Наука, 1983. - 343 с.
13. Эдельман Д. И. *Языки мира: Дардские и нуристанские языки*. М.: Индрик, 1999. - 142 с.
14. Buddruss, Georg, and Almuth Degener. *Materialen zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch. Teil 1: Texte und Glossar*. Harvard University Press, 2015.
15. Buddruss, Georg, and Almuth Degener. *Materialen zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch. Teil 2: Grammatik*. Harvard University Press, 2017.
16. Jana Y.A., Grjunberg A.L. *Afsanaha-ye Nuristani*. Kabul, 1991.
17. Lamwal A. *Alefnama*. Kabul, 2011.
18. Lamwal A. *Pashayi wolesi xesa*. Kabul, 2010.
19. Sunara S. *Farhang-e Nuristani*. Kabul, 2016.
20. Taza S. *Farhang-e zaban-e Nuristani*. Kabul, 2017.

Переносные употребления турецкого глагола *düşmek*

Лексема *düşmek* является высоко частотным глаголом падения. По данным исследования Национального корпуса турецкого языка, частота встречаемости составляет 41735 вхождений на 50 млн. слов. Глагол *düşmek* передает значения разнообразных ситуаций падения и часто употребляется в переносном смысле, входит в состав устойчивых сочетаний. Задача данной работы в том, чтобы классифицировать ситуации употребления лексемы *düşmek* в переносном смысле, оказав таким образом помощь обучающимся, переводчикам и исследователям.

Что касается прямых значений *düşmek*, то данный глагол является доминантой семантического поля: может сочетаться с любыми объектами падения и употребляться в любых ситуациях падения непосредственно или в составе композитов.

(1) *Bir şey düşüyor havadan, bakın bakın!*

‘Что-то падает сверху, смотрите, смотрите!’

(2) *Şehrin bir çok cüretli çocukları köprüden aşağı sıçrayıp nehre düşer...*

‘Многие смелые дети в городе прыгают с моста и падают в реку’.

(3) *Jetonum düşmüştü.*

‘Мой жетон опустился (т.е. автомат работает)’.

Переносные значения *düşmek* можно классифицировать следующим образом:

а) Уменьшение величины, снижение уровня:

(4) *...Geçen sürede ihracatın yıllık ortalama artışı %1,2'ye düşmüştü...*

‘За прошедший период средний годовой рост экспорта упал на 1,2%’.

(5) *Denk düşecek.*

‘Уровень упадет’.

б) Падение власти, города, авторитета (разрушение):

(6) *İktidar varlıkları, yükselirken de düşerken de tehlikeli olurlar.*

‘Люди власти становятся опасными как во время своего возвышения, так и во время падения’.

(7) *Uçmayı seviyorsan düşmeyi de biliceksin.*

‘Любишь летать – узнаешь, как падать’.

в) Падение морального облика:

(8) *Küçük orospu, kırılıp düşmüş veya düşüp kırılmıştı.*

‘Маленькая проститутка то ли сломавшись пала, то ли, пав, сломалась’.

г) Значение «достаться кому-либо», ср. рус. *выпасть на долю*:

(7) *Kitabımın bana düşen bölümünü neredeyse bitirdim.*

‘Я вскоре закончил распределенную мне (букв. упавшую мне) часть книги’.

д) Выступает эмоционально окрашенным синонимом глаголов *olmak* ‘очутиться, оказаться’, *yorulmak* ‘уставать’, словосочетаний по типу *bir şekilde gelmek* ‘восприниматься каким-то образом’.

(9) *"Yıldızları o güne değin hiç barışmayan" Devlet Bakanları Tansu Çiller ile Cavit Çağlar protokol masasında yan yana düşmüşlerdi.*

‘Протоколы государственных министров Тансу Чиллер и Джавит Чаглар, не мирившихся друг с другом до того дня, постоянно **оказывались** рядышком на его столе’.

(11) *İki kişi arasında kalması gereken en özel detaylar binlerce insanın diline düşüyor.*
‘Самые интимные детали, которые должны оставаться между двумя людьми, **обсуждаются** тысячами (букв. оказываются на языках)’.

(12) *Ne zaman **karamsarlığa düşsem** <...>*
‘Когда я **впадаю в пессимизм**’.

(13) *Anadolu yine tam bir **kaosun içine düşmüştü.***
‘Анатолия снова **погрузилась** (букв. впадала) **в абсолютный хаос**’.

(14) *Ben dersleri alırken **düştü**m.*
‘Я уже **падаю** (букв. упала) от этих занятий!’

(15) *Ama Ataol Behramoğlu'nun yayın politikasını benimseyememiştim, çalışma sistemi de **bana ters düşüyordu.***
‘Но я не смог принять медийную политику Атаол Бехрамоглу, его систему работы я тоже не воспринимал (букв. она падала как противоположное)’.

В текстах регулярно встречаются следующие фразеологические единства: *yorgun düşmek* ‘сильно устать’, *yola düşmek* ‘пуститься в путь’, *hastaneyeye düşmek* ‘угодить в больницу’.

Лексема *düşmek* в турецком языке относится к группе тех слов, которые стремятся не только к доминированию в конкретном семантическом поле, но и к «захвату мест» в разнообразных других полях. Преподавая турецкий язык как иностранный, следует обращать внимание не только на прямые значения лексемы *düşmek* и фразеологические единства, которые обычно указываются в словарных статьях, но и на высокую встречаемость данной лексемы в ситуациях, рассмотренных в данной работе.

Источники

НКТЯ - <https://v3.tnc.org.tr> (электронный ресурс). Национальный корпус турецкого языка.

Литература

1. Гениш Э. *Словарь турецких глаголов и управление глаголов в турецком языке*. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.
2. Кадырова О.М. К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка // *Труды института Востоковедения РАН*. № 19, 2018. С. 368-371.
3. Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2015"*. М.: МГГУ имени М.А. Шолохова. С. 149-160
4. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход в лексической типологии // *Вопросы языкознания* №2, 2013. С. 3-31.
5. Юсипова Р.Р. *Турецко-русский словарь*. М.: Русский язык МЕДИЯ, 2005.
6. Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. *Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach*. Working papers, series: Linguistics. М.: ВШЭ, 2015. С.3-14

**40 лет Исламской Республики Иран: о некоторых тенденциях
языковой политики во втором десятилетии XXI века**

Текущий год является юбилейным для Ирана. В апреле исполняется 40 лет существования в стране исламской республики. С этой точки зрения в докладе предполагается проанализировать основные направления языковой политики, проводимой руководством Исламской Республики Иран во втором десятилетии XXI века. Языковая политика рассматривается как важная часть культурной политики, а персидский язык – на фоне его взаимоотношений с национальными языками и культурами, бытующими на территории страны. Особое внимание уделено международному аспекту языковой политики, абсолютно новому явлению в послереволюционном Иране, и в его контексте теме «Иран и Запад» как важным компонентам популярной во властных структурах страны политики «мягкой силы».

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что языковая политика последнего десятилетия в Иране направлена, с одной стороны, на сохранение прочных и главенствующих позиций персидского языка в стране при соответствии его юридического статуса, декларируемого Конституцией 1979 г., фактической роли в жизни иранского общества. Вместе с тем наблюдаются определенные положительные шаги в решении культурно-языковых проблем национальных и этно-конфессиональных меньшинств Исламской Республики Иран. Получает дальнейшее успешное развитие международный аспект культурно-языковой политики, где персидский язык рассматривается как возможный фактор шиито-суннитского диалога, а также в дискурсе отношений Ирана и Запада.

Ритм хеттской поэзии: позиция глагола в «Песни об Улликумми»

Хорошо известно, что порядок слов в «Песни об Улликумми» значительно отличается от нейтрального для большинства хеттских текстов. В частности, в глаза бросается частота заполнения постглагольной позиции. Стандартно в хеттском языке глагол занимает жесткую позицию на конце клаузы (нейтральный порядок слов SOV), что с точки зрения синтаксиса в терминах генеративизма можно рассматривать как результат обязательного перемещения глагола в определенную позицию, обсуждаемую в рамках данного доклада.

В «Песни об Улликумми» же и некоторых других произведениях, в том числе «Песни освобождения», частота появления именной группы после глагола становится статистически значимой – на нашем корпусе она составляет около 9%, при нормальном значении для хеттских писем и инструкций около 2% ($p < 0.0001$). Традиционно считается, что причиной такого порядка слов является сам характер этих памятников – они представляют собой часть переводного с хурритского цикла о боге Кумарби и его отношениях с богом грозы, и хеттский порядок слов испытывает влияние со стороны хурритского.

Может ли быть так, что специфический порядок слов – собственное хеттское явление, объясняемое внутри хеттского языка? При внимательном рассмотрении примеров можно видеть, что примеры заполненной постглагольной позиции показывают последовательное однообразие в своем синтаксисе и в целом могут быть сведены к формуле #focus (clitic.pronoun) – verb – full NP#. Если бы это было влияние хурритского и ничего больше, измененный порядок слов следовало бы ожидать более равномерно распределенным по тексту, задевающим и другие типы клауз. Мы видим два типа предложений, имеющих неканонический порядок слов с постглагольной позицией, к которым полностью сводятся все имеющиеся в данном тексте примеры: подъем составляющей в фокусную позицию (Spec,FocP) в структуре расщепленного CP, и вынос именной группы вправо (*right dislocation*), часто сопровождаемый появлением дублирующего клитического местоимения в левой периферии (*clitic doubling*).

Возникает мысль, что основная функция данного порядка слов в «Песни об Улликумми» – организация ритмического контура в поэтическом тексте, подобно приему инверсии в поэтических текстах. В клаузе, вероятно, совпадающей с поэтической строкой, возникают позиции, на которые явно приходился акцент – эмфатическое выделение фокуса в начале и ритмическое повторение именной группы в конце строки, которое дополнительно подчеркивается дублирующим клитическим местоимением в начале строки, после фокуса. Две точки акцента – в начале и конце строки – и отсутствие акцента в середине строки создает ритмическое выделение, имевшее, вероятно, практическое значение при чтении вслух. Рассматривая функции порядка слов с постглагольным компонентом как поэтические, мы получаем возможность объяснять данный порядок как внутреннее хеттское явление, а не через влияние хурритского языка, как предполагалось ранее.

Албасты и Кивина в иранской мифологии или Кто вредит роженицам и новорожденным?¹

В докладе рассматриваются демонические персонажи *albasti*, *almasti* (или *āl*) и *Kivina*, прослеживаются их функции, возможная этимология их наименований.

С традициями иранской мифологии, предположительно, связаны, помимо *пари* и *дивов*, также представления о демонском персонаже **Албасты**, широко распространенные в Средней и Центральной Азии, на Кавказе и в Турции. *Албасты* – уродливая женщина, оборотень; обитает около водных источников. Она особенно вредит роженицам и новорожденным.

Этнограф Т.С. Каландаров исследовал верования, связанные с нечистой силой, в том числе *almasti*, на памирском (шугнанском) материале.

Об *Āl* как наименовании класса демонов в фольклоре стран Кавказа, в Иране, Центральной Азии и в южных частях России подробно писал Г. Асатрян. Армянские *al* обладают чертами, характерными для злых духов: острыми железными зубами, всклокоченными волосами, медными когтями, кабаньими клыками, обвислыми, как у старухи, грудями. У них глиняный нос и огненные глаза. Их любимое занятие – кража легких, печени и сердца у рожениц, молодых матерей или у беременных, уничтожение плода в утробе матери, что заканчивается выкидышем. Через сорок дней после рождения ребенка *al* может утащить его, заменив чертенком. Согласно армянскому фольклору, этих злых духов можно поймать, уколов иголкой; принести домой и заставить работать на себя.

В армянском, персидском, курдском языках имеются грубые ругательства: «Чтоб тебя унесла/съела твои внутренности *al!*» Иранских женщин, у которых имеются проблемы с деторождением, называют *āl-zade* «ударенные *al*».

Средствами для защиты против демонов, по ближневосточным повериям, служат амулеты, заклинания, молитвы, курение ладаном, железные изделия: мечи, ножицы, а также чеснок и лук. Важно еще не дать *al* возможности вымыть (а затем съесть) свою добычу в водном источнике, ручье, речке. Для этого надо кричать, шуметь, стрелять из оружия и баламутить воду палками, мечами.

В Иране *āl* – это костлявая тощая старуха с глиняным носом, красным лицом и соломенной или тростниковой корзиной через плечо, где находятся печень или легкое молодой матери или новорожденного. Г. Асатрян приводит варианты наименования *al* в разных регионах ираноязычного мира и возможные их этимологии, а также способы борьбы с *al*.

Возможность возведения *āl* (*almasti*, *albasti*) к имени древнеиранского высшего божества *Ahura Mazda* (*Ōhrmazd*) была предложена в 1904 г. Олуфсеном и обсуждена в статье Г.Асатряна. Этимологией *Albasti/Almasty* занимались также Г.А.Климов и Д.И.Эдельман.

У иранских зороастрийцев имеется поверие, также связанное со злой силой в женском обличье, очень опасной для рожениц. Ее имя *Kivina*. Оно засвидетельствовано в паре с именем (*v*)*ōl*. Этот феномен не исследован. Примеры употреблений, приведенные в словаре проф. К. Маздапур: *vōdem-i tar-za še tehni navō haste ge ya-vaxti vōl oš nakuda* ‘Нельзя оставлять в одиночестве только что родившую (женщину), чтобы ее не убила *Vōl*’; *Hemiša xōbder-e Katun yōmišta qesse-y Ōl o Kivina še bōr e tōrt-im* ‘В прежние времена тетя Кетаюн рассказывала нам множество сказок об Аль и Кивина’.

1

Исследование поддержано грантом РФ (РГНФ), проект № 17-04-00563а.

В.Я. Порхомовский

(Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва)

Н.Абру

(Институт гуманитарных и общественных наук

Национального центра научных исследований, Париж, Франция)

Ф.Кассюто

(Университет Экс-Марсель, Экс-ан-Прованс, Франция)

Берберские термины родства в контексте афразийской (семито-хамитской) семьи языков: диахронический и ареальный аспекты

Настоящий доклад является продолжением исследований афразийских (семито-хамитских) систем и терминов родства, которые ведет в течение ряда лет один из авторов совместно с профессором Байройтского университета Д. Ибришимовым (см., в частности, (Ibriszimow, Porkhomovsky 2005, 2005a), (Ибришимов, Порхомовский 2008).

В докладе типологические характеристики берберских систем родства рассматриваются в сравнении с системами других афразийских языков, прежде всего чадских и семитских. Основное внимание уделяется терминам родства в кабийском языке как важнейшем представителе северной группы берберских языков, в сопоставлении с системами терминов родства в туарегских диалектах, которые обнаруживают принципиально иной тип систем родства и их эволюции. Будут предложены способы интерпретации этих различий в близкородственных языках берберской группы

Специальное внимание в докладе уделяется проблеме устойчивости конкретных терминов родства и их типологических характеристик, для чего привлекаются материалы современных семитских языков, в том числе не имеющих длительных письменных традиций, в сопоставлении с данными древних письменных памятников на этих языках. В рамках проблемы устойчивости терминов родства выделяются различные аспекты. Так, причиной исчезновения определенных терминов в конкретном языке может служить утрата некоторых семантических признаков и оппозиций в системе родства. Распространенным случаем подобной эволюции является утрата противопоставления отцовской и материнской линий как в системе родства в целом, так и на уровне определенных лексических групп. Важным импульсом для утраты отдельных терминов и для изменения всей системы является эволюция семейно-клановой организации общества. Наконец, особый интерес представляют заимствования из других языков при сохранении соответствующих семантических характеристик, а также замена имеющихся терминов неологизмами на собственной лексической основе.

Литература

1. D. Ibriszimow D., Porkhomovsky V. Etudes ethnolinguistiques en chamito-sémitique: termes et systèmes de parenté. // *Faits de Langues 26 (Les langues chamito-sémitiques (afro-asiatiques))*, vol. 1. Paris: Editions OPHRYS. 2005. Pp. 269-291
2. Ibriszimow D., Porkhomovsky V. Towards a Typology of Kinship Terms and Systems in Afro-Asiatic (Hamito-Semitic). // *Studi Afroasiatici. XI Incontro Italiano di Linguistica Camitosemitica. A cura di A.Mengozzi*. Milano: FrancoAngeli, 2005, pp. 15-28
3. Ибришимов Д., Порхомовский В.Я. «Термины родства в семито-хамитских (афразийских языках): современное состояние и перспективы проекта ААКТС – Afro-Asiatic kinship terms and systems.» // *Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование* М.: Academia, 2008, с. 13-167.

Частица прямой речи в хеттском языке

Наш доклад рассматривает хеттскую частицу *-war*, вводящую прямую речь.

Как хорошо известно, эта частица употребляется как маркер прямой речи непоследовательно. Мы основываемся на предыдущем исследовании употребления частицы (Fortson 1998), в котором была предпринята попытка объяснить непоследовательное употребление частицы. Фортсоном было установлено, что часто при непоследовательном употреблении частица маркирует только первую клаузу прямой речи, даже если сама прямая речь не ограничивается одной клаузой.

Однако анализ непоследовательного употребления также выявил и другие закономерности, не отмеченные Фортсоном.

Во-первых, частица, действительно, доминирует как маркер лишь первой клаузы прямой речи, однако в собранной нами коллекции примеров представлены и достаточно многочисленные случаи, в которых частица прямой речи употребляется в нескольких первых клаузах прямой речи – вплоть до шести!

При этом также был выявлен и другой массив примеров, в которых *-war* маркирует как раз конец прямой речи. И вновь, как и в начале прямой речи, частица тяготеет к финальной клаузе, однако может употребляться и в нескольких клаузах от конца прямой речи.

Наконец, и это было отмечено и Фортсоном, частица может употребляться и, на первый взгляд, совершенно хаотично внутри прямой речи.

В докладе мы приведем статистику по этим трем моделям употребления и предпримем попытку понять, является ли непоследовательное употребление частицы прямой речи синтаксически обусловленным, либо она просто может маркировать начало и конец прямой речи.

Литература

- Fortson, B.W. A New Study of Hittite *-wa(r)* // *Journal of Cuneiform Studies*, 50, 1998. Pp.21-34.

**Корневые варианты в арабском языке как основа
афразийской лексической реконструкции
(корни с чередованием ларингальных в анлауте)**

«Корневыми вариантами» в семитских языках называют «пары или группы слов с общим значением и близким, но не идентичным составом согласных корня, засвидетельствованные в одном и том же или в различных языках». Корневыми вариантами являются, например, арабские глаголы *našara* ‘развертывать, рассеивать разбрасывать’ и *naṭara* ‘разбрасывать, рассеивать’ (Милитарев 1983: 7, 8). Наиболее подробно это явление исследовано на материале арабского языка.

В докладе лексика арабского языка с чередованием ларингальных согласных в начальной позиции рассматривается в афразийском контексте. На обширном сравнительном материале (арабского и чадских языков) демонстрируется возможность верифицировать прачадскую фонетическую реконструкцию с учетом арабских когнатов. Приводятся примеры корневых вариантов с начальными ларингальными на афразийском уровне. Отмечается, что внешние параллели подтверждают архаичность арабских корневых вариантов.

Литература

Милитарев, А.Ю., вступительная статья // С.С. Майзель, *Пути развития корневого фонда семитских языков*, М., «Наука», 1983.

Л.А. Чупрыгина
И.С. Бутурлин
И.В. Рабинович
А.А. Хасан
Х. Кассем
А.А. Манцеров
А.В. Саенков
(Школа востоковедения ВШЭ, Москва)

Сравнительный анализ изданий «Аль-Китаб» (الكتاب, «Книга») Сибавейхи (по материалам Предисловия и Введения к каирскому изданию 1988 года)

Трактат Сибавайхи «Аль-Китаб» («Книга», или «Книга Сибавайхи» (Сибавайхи 2018), созданный в 8-м веке, часто называют «Кораном арабской грамматики», ее краеугольным камнем. Один из передатчиков «Книги», выдающийся грамматист аль-Мубаррад (825-899 гг.) мнение которого приводит А.М. Харун во «Введении» к подготовленному им изданию трактата, охарактеризовал этот древнейший из дошедших до нас трудов, посвященных вопросам арабской грамматики, так: «Ещё не была создана ни в одной из наук книга, подобная «Книге» Сибавейхи; и это потому, что все книги, когда-либо написанные в какой-либо из областей науки, нуждаются (для объяснения их сути) в иных книгах, в то время как «Книга» Сибавейхи полностью исчерпывает свой предмет» (Харун 1988, с.5).

В период становления и последующего расцвета арабского языкознания (7-14 вв.) трактат Сибавейхи являлся уникальным источником знаний по вопросам грамматики арабского языка и наиболее обсуждаемым лингвистическим трудом, количество комментариев к которому исчислялось сотнями.

Не менее интересен он и для современного языкознания.

В 1881 г. «Аль-Китаб» был впервые опубликован Х. Деренбургом с предисловием на французском языке; с тех пор все издания трактата (введение в научный оборот новых списков «Книги» и их комментариев) являются значимыми событиями для научного сообщества.

Предметом доклада является последнее, каирское издание «Книги» в пяти томах, опубликованное в 1988 году египетским филологом А.М. Харуном, и его отличия от предыдущих изданий: использование неизвестных ранее рукописей, снабжение текста обширным справочным аппаратом и подробным комментарием, облегчающим труд исследователей. Будут прокомментированы справочные каталоги, составляющие отдельный, 5-й том.

Также будет представлен и прокомментирован иснад «Книги» (по материалу раздела «التقديم» (стр. 3 - 11).

Литература

1. Сибавайхи Абу Бишр 'Амр. *Китаб*. / под общ. ред. Д.В. Фролова. – М.: ВКН, 2018.
2. Китаб Сибавайхи / ред. 'Абд ас-Салам Мухаммад Харун. Т. 1–5. Каир, издание 3-е, 1988.

Эволюция хеттской глагольной системы

В грамматиках хеттского языка, в том числе в наиболее авторитетной грамматике Г. Хоффнера и К. Мелчерта (Hoffner, Melchert 2008), при описании глагольной системы внимание диахроническим изменениям почти не уделяется. Тем не менее, за несколько веков эта система претерпела значительные изменения. В большей степени это касается залоговой системы, в частности, функций медия. Если в ранних текстах большинство медиальных форм приходится на долю отложительных глаголов (как показывает в своей диссертации Г. Инглезе) и медий выступает во многом как еще одно спряжение, то в новохеттский период медиальные формы обычно уже противопоставлены формам активного залога.

Однако изменения затронули и систему спряжений. Некоторые глаголы просто переходили из одного спряжения в другое, например, *zinni-* ‘заканчивать’ в новохеттский период смещается из *mi*-спряжения в *hi*-спряжение, однако эти изменения обычно связаны с изменением типа основы (Hoffner, Melchert 2008: 200, Kloekhorst 2008: 1037). Известны также семантически мотивированные переходы, когда некоторые переходные отложительные глаголы начинают следовать парадигме *hi*-спряжения (Hoffner, Melchert 2008: 233f.). Однако в средне- и, в особенности, в новохеттский период у некоторых глаголов мы наблюдаем значительное смешение окончаний обоих спряжений. Например, *akk-* ‘умирать’ исходно относился к *hi*-спряжению, но в средне- и новохеттский период у него засвидетельствовано много форм *mi*-спряжения, например, *ak-ta* (KUB 5.9 obv. 26) и *ak-mi* (KUB 24.5+ obv. 16). Глагол *mi*-спряжения *sanh-* ‘искать’, наоборот, начинает использовать окончания *hi*-спряжения, например, *ša-na-ah-ti* (КВо 4.3 IV 12) и *ša-an-ha-ti* (КВо 5.4 rev. 41). Подобное варьирование довольно часто встречается в некоторых типах основ (основы на согласные) и практически отсутствует в других типах основ (например, *-ye/a*-основы, отыменные основы на *-ai-*).

Необходимо отметить, что распределение ‘неправильных’ окончаний не является полностью произвольным. Так, в 3 лице ед.ч. прош.вр. окончание *-ta mi*-спряжения часто заменяет окончание *-s hi*-спряжения (ср. Hoffner, Melchert 2008: 214). Наоборот, во 2 лице ед.ч. окончания *hi*-спряжения часто заменяют окончания *mi*-спряжения (ср. Hoffner, Melchert 2008: 214). Вероятно, в данном случае мы наблюдаем движение в сторону образования нового, смешанного спряжения, по крайней мере, у определенных типов основ.

Литература

1. Hoffner H., C. Melchert, 2008. *A Grammar of the Hittite Language*. Eisenbrauns, Winona Lake.
2. Kloekhorst, A. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Brill, Leiden.

Топонимия Киццувадны в анатолийском контексте

Страна Киццувадна играла большую роль во II тысячелетии до н.э. как культурный посредник между анатолийским и сирийским мирами, чему способствовал смешанный характер её преимущественно лувийско-хурритского населения. Для понимания характера этого посредничества необходима реконструкция этнической истории Киццувадны, важным источником для изучения которой являются её ономастика и топонимия.

Изучение ономастики Киццувадны показало хурритский приоритет в заселении этой территории, большую роль хеттского населения на начальном этапе освоения этой территории Хеттским царством и рост доли лувийского населения по мере укоренения здесь хеттского господства. На материале хеттских текстов выделяются топонимы, с той или иной степенью вероятности локализуемые на территории страны Киццувадна – Анамуста, Арана, Аруна, Арусна, Адания, Ацписна, Хуласса, Илипри, Иримма, Кумманни, Ламия, Лавацантия, Нириса, Падуванда, Питура, Салия, Самри, Серигга, Синаму, Синуванда, Тарса, Тируса, Турпина, Турутна, Упарбасса, Ура, Урауна, Урига, Урусса, Вассуканна, Вастиса, Цапарасна, Цилапуна, Цинцилува и Цунахара.

Некоторые из этих топонимов этимологизируются на основе хеттского языка, как *Aruna* < *aruna*- ‘море’. В других топонимах можно выявить корни, происходящие из лувийского, хурритского, индоиранских и семитских языков. Выделяемые же на материале этих топонимов топоформанты засвидетельствованы во II тысячелетии до н.э. и в других областях Анатолии.

В ходе настоящего исследования прослеживаются связи между распространением этих топоформантов в Киццувадне, в преимущественно хеттоязычных и преимущественно лувоязычных частях Анатолии. На основе сопоставления ареалов распространения топоформантов, выделенных для территории Киццувадны, в других частях Анатолии уточняется роль хеттов и лувийцев в этнической истории Киццувадны и её интеграции в Хеттское царство.

Предыстория лидийцев в свете лексических связей лидийского языка

Лидийское царство со столицей в Сардах объединило западную часть Малой Азии в 7-6 вв. до н.э. Лидийский язык, засвидетельствованный в основном в надписях 6-4 вв. до н.э., относится к анатолийской группе индоевропейской семьи языков, обнаруживая при этом ряд нетривиальных изоглосс с языками лувической подгруппы. О предыстории лидийцев во втором тысячелетии до н.э. ведутся споры. В своей монографии я отстаивал гипотезу об их локальном автохтонном происхождении, пытаясь идентифицировать следы лидийского субстрата в лувических именах правителей и аристократии западноанатолийского княжества Арцава (Yakubovich 2010: 91-96). Данная гипотеза оспаривается в недавней монографии, посвященной истории Лидии, где поддержан альтернативный сценарий лидийских миграций с крайнего северо-запада Малой Азии, соотносимого с территориями классической Трояды, Мизии и Вифинии (Högermann and Oettinger 2018: 107-115). Хотя мои оппоненты не выдвигают новых лингвистических аргументов в поддержку своей точки зрения, они подчеркивают ограниченную ценность моей реконструкции лидийского фонологического субстрата с учетом плохо изученной исторической фонологии лидийского языка. Данное возражение следует признать в целом справедливым.

Целью настоящего доклада является анализ вероятной локализации лидийского языкового ареала во втором тысячелетии до н.э. на основании данных лексических контактов между лидийским и лувийским языками. В фокусе исследования находятся лидийские лексемы вероятного суперстратного происхождения, такие как *qalm(λ)u-* ‘царь’, *tiwdal(i)-* ‘наместник, заместитель’, *ēnwala-* ‘(титул)’ и *masta-* ‘украшение, узор’. Я собираюсь доказать факт заимствования данных лексем из лувийского языка, причем для большинства из них время заимствования может быть соотнесено с эпохой господства Хаттусы на западе Анатолии (14-13 вв. до н.э.). Поскольку зоной наиболее интенсивного влияния царства Хаттусы в западной части Малой Азии являлась территория Арцавы, логично предположить, что передача лувийских суперстратных лексем в лидийский язык имела место именно в данном регионе, совпадающем с ареалом распространения лидийского языка в историческую эпоху. Это позволяет подвести более твердый фундамент под исторический сценарий, предложенный в монографии (Yakubovich 2010).

Литература

1. Högermann, Peter and Norbert Oettinger. 2018. *Lydien: ein altanatolischer Staat zwischen Griechenland und dem vorderen Orient*. Berlin: de Gruyter
2. Yakubovich, Ilya. 2010. *Sociolinguistics of the Luwian Language*. Leiden: Brill

Содержание

Александров Б.Е. Структура вопросительной клаузы в старовавилонском диалекте аккадского языка	1
Арманд Е.Е. Местоименные энклитики в современном персидском языке в исторической перспективе	2
Асгари Л. Культурные растения в Иране	3
Белова А.Г. Арабы и Аравия: проблемы этимологии	4
Блинов А.А. Современная языковая ситуация в Южном Судане	5
Гращенко П.В. К вопросу о типологии стативности	6
Громова А.В. Персоязычные интернет-ресурсы как источник для анализа социолингвистической ситуации в провинциях Гераи и Ламерд	8
Додыхудоева Л.Р., Виноградова С.П. Трансформация концепта пери в ираноязычном мире	9
Евдокимова А.А. Формулы как прием при создании морфологического описания арабского языка	10
Закрыжевский М.Ш. Переключение языкового кода в Египте: причины и механизмы	12
Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. Этнолингвистические особенности гильянского и мазандеранского языков	13
Иванова М.А. Лексические особенности современного арабского политико-экономического дискурса	15
Каверин С.И. Перспективы изучения дардов и нуристанцев в России	16
Кадырова О.М. Переносные употребления турецкого глагола <i>düşmek</i>	18
Каменева М.С. 40 лет Исламской Республики Иран: о некоторых тенденциях языковой политики во втором десятилетии XXI века	20
Молина М.А. Ритм хеттской поэзии: позиция глагола в «Песни об Улликумми	21
Молчанова Е.К. Албасты и Кивина в иранской мифологии или Кто вредит роженицам и новорожденным?	22
Порхомовский В.Я., Абру Н., Кассюто Ф. Берберские термины родства в контексте афразийской (семито-хамитской) семьи языков: диахронический и ареальный аспекты	23
Сидельцев А.В. Частица прямой речи в хеттском языке	24
Столбова О.В. Корневые варианты в арабском языке как основа афразийской лексической реконструкции (корни с чередованием ларингальных в анлауте)	25
Чупрыгина Л.А. и др. Сравнительный анализ изданий «Аль-Китаб» (الكتاب, «Книга») Сибавейхи (по материалам Предисловия и Введения к каирскому изданию 1988 года)	26
Шацков А.В. Эволюция хеттской глагольной системы	27
Шелестин В.Ю. Топонимия Кициувадны в анатолийском контексте	28
Якубович И.С. Предыстория лидийцев в свете лексических связей лидийского языка	29
Содержание	30

Составитель А.С. Панина.

Востоковедные чтения 2019. Языки Юго-Западной Азии и Северной Африки.
Тезисы докладов научной конференции. Москва, Институт востоковедения РАН,
24-25 апреля 2019 г.

© Институт востоковедения РАН, 2019